

**Дятлов Александр Викторович**

доктор социологических наук,  
профессор кафедры социологии,  
политологии и права  
Южного федерального университета  
тел.: (863) 298-31-25

**СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ  
В КОНТЕКСТЕ  
«ДИНАМИЧЕСКОГО ПОЛЯ»**

**Аннотация:**

*Структурный подход привязывает социальные ресурсы к структурности, функциональности, неравенству и власти, определенным образом устанавливает границу между изменениями социальной системы и внутри системы. Ресурсное неравенство является причиной внутренних изменений, трансформации наступают в результате избытка или дефицита социальных ресурсов.*

**Ключевые слова:**

*Структурный подход, динамическое поле, социальные ресурсы, функциональный подход.*

**Dyatlov Alexander Viktorovich**

Doctor of Social Sciences,  
Professor of Sociology,  
Political Science and Law,  
Southern Federal University  
tel.: (863) 298-31-25

**SOCIAL RESOURCES  
IN THE CONTEXT OF  
“DYNAMIC FIELDS”**

**The summary:**

*Structural approach binds social resources to structural, functional, inequality and power, definitely sets the boundary between the changes in the social system and the system. Resource inequality is the cause of internal changes, transformations occur as a result of the surplus or deficit of social resources.*

**Keywords:**

*Structural approach, the dynamic field of social resources, functional approach.*

Р. Будон оценивает ситуацию социально-деклассированных слоев, т.е. групп, выпадающих из социальной структуры. Критика теории Р. Хагена о роли переменных в экономическом развитии в эндогенных факторах имеет целью трактовать развитие как реакцию на различающиеся по структуре ситуации. Перфекция может быть только частью развития, но не отменяет развитие как последовательность изменений, векторные изменения. Структуралистские пред-рассудки типа структурных причин изменения опровергаются ссылкой на принятие акторами различных позиций в различных ситуациях. Для Р. Будона очевидно большее влияние институциональных или случайных элементов, чем структурных: ситуации являются следствием микросоциальных факторов, определяющих причины и мотивации поведения, а не само поведение. Убедительность выдвигаемого положения обосновывается исключением экзогенного влияния. Р. Будон говорит о непредсказуемых последствиях, когда модернизационные эффекты компенсируются консервативными (возрастает независимость детей от отцов, независимость женщин от мужчин). Компенсирующий эффект, о котором пишет П. Штомпка, приводит к усилению неоднородности, декомпозиции общества: одни элементы претерпевают изменения, другие сохраняются и усиливаются.

Структура не имеет потенциала самотрансформации, так как ресурсы групп зависимы от стабильности, социального. Однако совсем иная ситуация возникает при размывании социальных статусов и социальных ролей. Социальная трансформация российского общества, как отмечает З.Т. Голенкова, резко усилила тенденции к дезинтеграции. «Что касается России, то в последние годы наблюдаются изменения, тенденции к дезинтеграции общества, которую можно определить как существование социальных групп, корпораций, сообществ и индивидов, по-разному представляющих себе образцы единого социального пространства» [1, с. 94]. Следствием дезинтеграции является сокращение рациональных социальных отношений, основанных на социальном взаимоотношении, и базисных социальных ценностей.

Нам кажется, что так называемый недостаток социальной рациональности определяется ресурсной компонентой: группы, приобретшие материальные и властные ресурсы, стремятся к мобилизации или замыкаются, используя социальные мифы, предрассудки, предубеждения для обоснования неопозиции господства. Российский экономист С. Глазьев отмечает использование социальной мифологии правящим классом: экономический рост, преференции федерального бюджета, мобилизация ресурсов предназначены для переноса ожиданий в сферу сырьевой ориентированности. Когда потери общества от расточительства элитами природных богатств составляют 50 млрд. долларов ежегодно, причина в потребительском отношении к социальным ресурсам: сырьевая экономика прибыльна, потому что связана с минимальными затратами на профессиональную подготовку, образование и здоровье, возможностью использовать «заимствованные технологии», быть независимой от общества. Поэтому взаимодействие, как

принцип структурности, неэффективно для исследования российской трансформации. Ресурсообеспеченные группы ориентированы на распределение, а не на воспроизводство социальных ресурсов, что усиливает социальную зависимость адаптирующихся слоев населения.

Теория «динамического поля» П. Штомпка призвана отразить многовекторность постсоциалистических трансформаций. Штомпка выделяет четыре аспекта динамического поля:

- идеальные измерения;
- интерактивные измерения;
- социальная организация;
- жизненные планы, возможности, доступ к ресурсам [2, с. 29].

Социальные ресурсы включаются в процесс изменений, наряду с переформированием идей, переоценкой норм, ценностей, переформулированием целей взаимодействия. Перераспределение возможностей означает переопределение ресурсов, так как мобилизация или конформизм, стремление к доминированию или зависимость, интенсивные действия или социальная апатия утверждают социальные позиции, социальный авторитет групп или класса. Российские исследователи считают проблемой социальную индифферентность, раздробленность российского населения, отсутствие противодействия элитарным сценариям, возвращение к словному обществу и ограничение восходящей социальной мобильности (в России нисходящая социальная мобильность в четыре раза превышает восходящую). Возможностное измерение требует социальной организации, т.е. присутствия группы, обладающей наилучшим организационным потенциалом.

По мысли П. Штомпка, измерения неустойчивы, нестабильны, перетекают друг в друга, чтобы горизонтальные отношения были эффективными, доминантными, вертикальные связи выступают в качестве комплементарных, задействованных с целью управления, недопущения хаоса. Социальные группы в постсоциалистическом обществе не преодолели посттравматический синдром (неуверенность в закреплении высоких статусных позиций, социальные исключения). Люди осознают необратимость преобразований, не могут по тем или иным причинам принимать эти преобразования, поэтому возрастает значение социальной самоизоляции, хаоса на уровне социальной микросреды. Приоритет институционально-правовых новаций (М.А. Шабанова) подчеркивает стремление к управляемому развитию, нормированию социальных ресурсов, ресурсной дифференциации общества. Безусловно, возникают аффекты «ресурсообедления» и «ресурсозависимости». Утверждения российских исследователей (Т.И. Заславская) о необходимости содействовать становлению демократии, правопорядка и конкурентного риска [3] более основываются на идеале, чем социальной аналитике. Например, схема «среднего класса» является результатом «исследовательского отчаяния». Верхние слои (7-8%) населения в современном составе и качестве не способны ни к политической, ни к культурной интеграции общества, социальная энергия базисного слоя (60% населения) расходуется на решение сугубо личных проблем, связанных с выживанием. Так что средний класс стал обязан своим возникновением ожиданиям социологов, по мнению которых нашему обществу необходима группа, которая бы формулировала, осознавала и предлагала варианты решения социальных проблем. Однако институциональные изменения, связанные с социальной политикой (преобразования социальных отношений в сфере труда, создание институциональных условий для развития конструктивной и оптимальной предпринимательской деятельности, изменения характера реформаторской и управленческой деятельности правящего класса), скорее направлены на воспроизводство социального расслоения. Приоритеты социальной политики определяются интересами верхних слоев, которые стремятся к сохранению и упрочению достигнутого статуса. Известно, что правящие слои самореформируются при двух обстоятельствах: если новая ситуация дает возможность значимых социальных предпочтений или если легче пожертвовать малым, чтобы не потерять все.

Нам кажется, что в России элиты сформировались путем назначения и знакомств, что ориентирует на потребление и распределение социальных ресурсов, а не на диверсификацию и передачу ресурсов другим социальным слоям. Снижение доли социально активной части населения – модель социального господства и мобилизационных настроений общества.

П. Штомпка испытывает доверие к личностному полю, готовность к целерационализации общественных отношений, существованию и конструированию социальных фильтров и социальных пропусков. Перегруппирование в таких условиях основывается на воспроизводстве жестких моделей взаимодействия. Перераспределение собственности происходит не по инициативе инновационных слоев населения, а в узком кругу, что демонстрирует влияние личностных ресурсов и снижает роль социальной интеракции. По мысли П. Штомпка, инновационные слои должны быть готовы к соревнованию, не исключая сценария нулевого результата, т.е. победившие, если не хотят оказаться в положении проигравших, стремятся к уменьшению не-

определенности, т.е. установлению отношений господства. А. Пшеворский пишет, что переход к другой системе был бы недостижим без поддержки, если бы каждый не верил, что при новой системе он будет обеспеченным, или если бы у каждого были сильные социальные преимущества. Избежать риска неопределенности можно двумя способами: сосредоточением ресурсов или институционализацией соревновательности. В России избрана модель разобщенности индивидуального выживания. Правда, при этом растет отчужденность от государства, социальной организации, разрыв идеального и возможностного измерения. А. Пшеворский указывает на эффективность уменьшения депривации, хотя бы предоставлением надежды на позитивные изменения в будущем, что ликвидирует нежелательный разрыв. Нам кажется, что стремление к пролонгированию ситуации, закреплению отношений господства-зависимости принимает форму отстранения из-за некомпетентности. П. Бурдые особенно подчеркивает значение социальной номинации вхождения в класс посвященных. При российской модели социальных преобразований социальная компетентность понимается именно в дискурсе власти. Аналогично предпочтается ресурс адаптивности, подчиненности базисных слоев населения. Возможностное измерение лишается самостоятельности, вытесняется организационными нормами. Р. Будон указывал на недопустимость недооценки организационной среды. Эти возможности могут быть использованы или отброшены. Так что Т.И. Заславская ссылается на социальную политику не случайно: базисные слои не привержены самотрансформации, потому что локализованы в социальном субполе, социальном гетто (им представлено и политическое субполе КПРФ – 20 – 25%). Речь идет о политике избежания социальной неопределенности, когда даже социальный протест может управляться и социально прогнозироваться.

П. Бурдые отмечал возможность артикулирования интереса примыканием к правящему классу, т.е. осознание социальных изменений и стремление к их перераспределению или воспроизводству диктуется совокупностью предоставляемых ресурсов. В ситуации «определенности» важны привязка, внушение, манипулирование, принуждение, дезорганизация с целью блокирования самостоятельной социальной позиции. Правящие классы удивительно неустойчивы в идеологических предпочтениях: либерализм, государственный патриотизм, консерватизм служат «жизненным идентичностям», способом социального воспроизводства и гегемонии над социально зависимыми слоями. Экспроприрующая идеология у потенциальных групп социальной оптимизации связана с переводом протеста в возможностное измерение.

У П. Штомпка возможностное измерение социетально, т.е. представляет единое социальное пространство, межличностное поле. Ранжирование социального пространства является результатом ее имплицитных внутренних свойств, инновационные способности основных социальных групп, которые реализуют свое влияние с целью вызвать институциональные изменения. Социальная микросреда обладает такой же ресурсообеспеченностью, как и макросреда, что проявляется в характере и интенсивности изменений. Спонтанные изменения, непредсказуемые действия отдельных индивидов рационализируются в социальных интересах, социальных отношениях. Микросреда вносит изменения с целью легализации социальной активности, согласования различных моделей изменения. Введением динамического поля П. Штомпка старается смягчить противоречие функционализма: иерархия экономики, политики, культуры трансформируется в подвижное, неустойчивое состояние взаимодействия, кристаллизации и отмежевания [2, с. 30]. Провозглашение протяженности социальных изменений легитимирует любые, даже незначительные микросоциальные события, так что социальное пространство фактически не имеет стабильных состояний.

Поэтому социальные ресурсы трактуются в контексте сближения идеального и возможностного измерения и реализуются в интеракционном измерении. Российский исследователь В.В. Локосов предлагает классификацию социальной энергии по трем направлениям:

конструктивные, цель которых создание новых, более эффективных систем для компенсации и улучшения устаревших;

реактивные, стабилизирующие, отвечающие за сохранение целостности и дееспособности системы;

деструктивные, направленные на разрушение вышедших из строя элементов, с целью создания условий для их замены [4].

Почему в интерактивном измерении возможна разновекторная социальная энергия? Какие изменения, «события» обеспечивают социальную поддержку изменениям, вектор приложения социальной энергии? Теория динамического поля формулирует изменения как действия, связанные с целью повышения эффективности социальной организации, т.е. направленные на воспроизводство стабильности. При этом рассматриваются внутренние импульсы изменений, т.е. социальные шансы и возможности. Так что изменения иницируются группами с достаточно высокой социальной компетентностью.

В отличие от схемы Т. Парсонса, связанной с поиском новых социально-ролевых структур, польский социолог подчеркивает значение социальных возможностей, которые устраняют неопределенность или, по крайней мере, дают основание для уверенности в себе. Если же следовать добровольному принятию ролей, то импульс к изменениям задается отношениями господство – принуждение, в чем видится двойственность структурной теории (Р. Дарендорф).

Выдвинем предположение, что носителем структурных изменений являются группы с ресурсной иерархией, обладателей и распределителей социальных ресурсов. Российская элита выполнила разрушительную роль, создала свободное пространство для формирования новых институциональных практик, но не преуспела в определении идеального и нормативного изменений: от участия в социальной трансформации отстранена интеллигенция, которая в случае обмена символического ресурса на властный и экономический могла бы стать социально референтной группой. Бывшие основные группы по схеме ресурсной иерархии интегрируются в качестве групп социальной зависимости, что объективно делает их пассивными участниками социальных преобразований. Однако особенностью динамического поля является различие в социальной компетенции. Вероятно, П. Штомпка отрицает обоснованность социальной диагностики в определении нормы и патологии трансформации. Выступая за формирование личности как субъекта модернизации, он ни словом не обмолвился о проблеме реактивного нерелексированного поведения.

Между тем, в результате российских реформ выиграли группы негативной мобилизации, так как в хаосе преобразований явно просматривалась логика ресурсоприсвоения. Процесс трансформации инверсионен, возвращает от личностного и организационного измерений к возможностному. Классическая парадигма модернизации основана на институциональности ресурсного перераспределения. Если преобразования связаны с ресурсообращением, то в начале допускается хаос, а потом легитимируются итоги стихийного развития. Диссипативность межличностных связей может привести к распаду общества, так что П. Штомпка предупреждает о риске разочарования преобразованиями: выигрывают не те, кто ожидает улучшения, а те, кто использует способы ресурсообращения. Навряд ли в ожидании неопределенности можно надеяться на возрастание социальной компетенции субъектов трансформационного процесса. Инициативой обладают группы, которые нарушают социальные обязательства в целях достижения ресурсного монополизма. А. Пшеворский пишет о склонности реформаторов внушать оптимистические прогнозы и неготовности нести ответственность за их реализацию в ближайшее время. Нам кажется, что российские реформаторы направили усилия на внесение социальной апатии и выбор наименьшего из зол, что заранее снимало, по их мнению, обвинения в стремительном обнищании населения. Логика ресурсообращения российской элиты до сих пор определяет траекторию роста без улучшения, навязывание модели ресурсозависимости большинству населения.

В контексте динамического поля Штомпки ресурсы реализуются в сетях социального взаимодействия, которые, по определению М. Кастельса, представляют комплекс взаимосвязанных узлов [5], отличающихся от традиционных структур:

- а) открытостью, путем внесения новых узлов;
- б) полифункциональностью;
- в) кодами функционирования;
- г) «рубильниками», регуляторами контактов.

Личностные измерения, таким образом, наряду с конфигурацией отношений, дифференцируются по включению или исключению сетевых структур. Штомпка устанавливает взаимозависимость нормативного морфогенеза и принадлежности к сетевым структурам. Нормативные отклонения являются результатом деятельности сетевых агентов, которые предлагают внутри структуры инновационные правила и нормы. Сети более эффективны, так как строятся на оптимизации времени и нейтральности к упорядочению пространства. Социальное пространство намеренно дезинтегрируется, рассеивается, чтобы сделать возможным прохождение потоков информации. В таком разряженном пространстве трудно ожидать воспроизводства социальных позиций, привязанности к институциональным практикам и контроль межличностного воздействия. В социально разряженном пространстве аттракторами выступают текучие идентичности, ситуативные нормы и воображаемые структуры. М. Кастельс подробно анализирует влияние информационных технологий на становление сетевых структур: владение информацией квалифицируется «рубильником» изменений, возможностью совмещения времени и пространства, ресурсом переключения. Не варьируется ли здесь выдвинутая Туреном теория «культурных услуг», замещения классовой борьбы, субъектом культурного изменения? Ясно, что Турен двигает ресурсоемкость культуры в качестве альтернативы логики ресурсопотребления. Дина-

мическое поле П. Штомпки переносит культуру из системы генерирования ценностей в социальную интеракцию, выражения индивидуальной и коллективной самостоятельности.

В эпоху трансформации материальной культуры, переноса инновационности в межличностную сферу, не остается ничего другого как распрощаться с индустриальными подходами, технократизмом и экономоцентризмом в оценке социальных ресурсов. Все-таки М. Кастельс склоняется к информационно-технологической парадигме, превращая знание в производительную силу, а не просто решающий элемент производственной системы. Ресурсообеспеченность относится к слою менеджеров и программистов, остальным слоям населения уготован статус ресурсопотребителей. Теория динамического поля относит технологические инновации к экзогенным факторам, наряду с войнами и экологическими кризисами. Если происходит социальная трансформация, как изменяется сама система социальных ресурсов? Если мы имеем дело с информационно-технологической революцией, означает ли это переход власти от промышленников и банкиров к носителям информации? Динамическое поле П. Штомпки абстрагируется от глобальной сети М. Кастельса, У. Бека, Э. Гидденса. Он солидаризируется в отказе от традиционного понимания социальных ресурсов как власти и экономической мощи с представителями социального активизма.

Выходит, что если в структурном подходе ресурсы воспроизводят логику структурного наследства и социального подчинения, динамическое поле признает ресурсное первенство за возможностями вариативности горизонтальных отношений, социальной координации. Лидирующие позиции занимает группа с большими возможностями влияния, чем у остальных. Интенсивность социальных контактов, использование различных алгоритмов социальной деятельности, переключение с режима стабильности на режим ускорения составляет ресурсную базу инновационных групп населения. Снятие личной преданности, идентичности провоцирует фундаменталистскую реакцию, поворот к антимодерну, сопротивление переменам. Таким образом, выход на культурные ресурсы не может разрешить противоречия функциональности культуры: функциональность возвращается в виде структур социальной резистентности и фрустрационного эффекта. Быстрые изменения в сфере экономики компенсируются культурным фундаментализмом и укреплением позиций сторонников общества социального роста. А. Турен критикует центры интеграции (аппарат принуждения), ни на йоту не сомневаясь в социальной бенифициарности государства. Для М. Кастельса информационное производство эффективно согласуется с традиционными идентичностями, культурным своеобразием. Так называемые новые социальные движения исходят из культурной автономности и социальной ресурсозависимости, что дает повод подозревать в верности пресловутой формуле перераспределения. В теории динамического поля акцент делается на социальные возможности и обязанность социальных институтов наделять людей условиями для реализации этих возможностей, а не определенными социальными дарами. Короче говоря, теория динамического поля отрицательно настроена к описанию чисто функциональных изменений: в процессе личностного переопределения, открытости нормативного морфогенеза, более важны ресурсные характеристики. Если структурный объективизм основывается на стабильности структуры и изменчивости групп, теория динамического поля относит стабильность к инвариантности личностного взаимодействия по схеме:

- интересы;
- стратегии;
- идентичности;
- диспозиции.

Культура, как деятельность, по отношению к структуре, становится имманентным свойством личностного поля, сжатия, расширения, пульсирования межличностного пространства, задается культурными благами, культурными интенциями, культурными идентичностями. Динамика общества, таким образом, сдвигается в сторону субъектных аспектов. Итоги реформирования в постсоциалистическом обществе продуцируются социальной иррациональностью на интрасоциальном уровне и допущением хаоса, неопределенности в макросоциальных отношениях (П. Штомпка). М. Кивинен в работе «Прогресс и хаос» обозначает общественные науки как программы управления социальными микроэффектами [6]. По его мнению, разумное управление обязательно дополняется диагнозом действительности, поиском «врача», ответственного за ошибки, промахи и болезни пациента. Развитие, исключая иррациональность, случайность, может осуществляться только методами насилия, изоляции непокорных групп населения. Гораздо более эффективно проектирование личности, формирование качеств, которые представляются личностными ресурсами. Вероятно, поэтому в теории динамического поля рациональность одобряется в качестве стратегии личности и существует мораторий на совершенствование, прогресс социальных макроструктур. Штомпка открыто симпатизирует самосто-

ятельному отбору ценностей и норм и изменениям как кумулятивному эффекту личностных инноваций.

В интеракционной сфере единственным аргументом против [7, с. 166] проекта планируемых изменений может быть его неосуществимость. Сравниваются не проекты с проектами, а реальность с реальностью: как правило, к изменениям готовы группы с эндогенными предпочтениями, надеждами на осуществимую альтернативу. Ресурсные группы оцениваются по наличию значимых альтернатив: борьба за новую идентичность, новые формы социальной кооперации меняют конфигурацию личностных связей. Как пишет А. Пшеворский, растет число сторонников решительных перемен, которые оценивают жизненные условия и социальные ресурсы асимметричными, даже если ресурсные ожидания заведомо завышаются. Интеллигенция мнит, что рынок предоставит возможности творчества, рабочий класс увлечен перспективой приличных заработков, хотя не трудно предугадать социальные издержки безработицы, безразличия к элементарным социальным потребностям больших неплатежеспособных групп. Самооценка личностных ресурсов выступает причиной принятия или отклонения изменений: ожидания отодвигаются на перспективу или сохранение существующего социального порядка. Российские исследователи выявили синдром устойчивого неравновесия [1, с. 247]. Разброс позиций, разрыв адаптированных и неадаптированных слоев вызваны неопределенностью институциональных сдвигов и статусных идентификаций. Социальные настроения могут ухудшаться у богатых и быть стабильными у носителей социальной бедности. Среди 14,6% российских респондентов с улучшением социального самочувствия 70% не изменили свои социальные позиции, не повысили доход, не прибавили общественного авторитета. Объяснение лежит в плоскости ожиданий наведения порядка, борьбы с бедностью, гонений на олигархов. Более половины опрошенных признаются в отсутствии у них надежд на улучшение экономической ситуации и могут полагаться только на терпение или признание необратимости перемен. Согласимся, что позитивное социальное самочувствие зависит от уверенности в улучшении своей жизни, т.е. воображаемых возможностей, которые имеют не менее значимые последствия, чем реальные. Если вспомнить атмосферу нагнетания безысходности и безальтернативности перемен в позднеперестроечные годы (1989 – 1991 гг.), именно воображение, социальные мифы и ожидания становятся более реальной силой, чем процессы собственного социально-экономического развития и определения объективно социальных позиций.

20% населения выбрали стратегию активных действий, что, на наш взгляд, соответствует в результате структурных изменений сдвигу в социальных позициях путем отречения от прежнего коллективистского опыта, радикального изменения образа жизни, негативной мобилизации. Это и объясняет, почему при неэффективности модели выживания пропорция активных и неадаптированных остается прежней (20/80). В период изменений ресурсы направляются на воспроизводство стабилизационных норм, сохранения социального статуса и социальной идентичности. Ситуация «стали жить хуже» открывает возможность воздействия неблагоприятных эндогенных факторов, прежде всего увеличения давления на личность или группы, в условиях снижения ресурсообеспеченности.

Социальные ресурсы воспроизводятся в сфере социальных микроэффектов, используются экономно по отношению к общесоциальным целям, чтобы исключить риск затратности, когда нельзя надеяться на какие-либо внешние компенсирующие источники. Индивидуализация социальных ресурсов (З. Бауман) сопряжена с тремя важными последствиями:

- возрастание негативных стабилизирующих ориентаций;
- распределение ресурсов через «обходные пути»;
- усиление ресурсной зависимости.

Изменения могут оцениваться в контексте ущемления групповых и личностных интересов и не в силу социальной некомпетентности, а по правилу ожидания худших перемен. П. Штомпка отмечает, что население в постсоциалистическом обществе склонно рассматривать даже социально эффективную политику с позиции потенциальных угроз. Это позволяет быстрее адаптироваться к перераспределению ресурсов, пережить издержки переходного периода [7, с. 236]. Можно сказать, что ресурсная эффективность общества падает, эффективность отдельных групп предрасположена к росту. И возвращение к централизованному распределению маловероятно потому, что мало кто испытывает доверие к реконструкции модели распределения, в которой издержки возвращения не могут компенсироваться гарантией социальных благ.

П. Штомпка убеждается в намеренности иррациональности поведения на уровне социальной интеракции: институциональные изменения воспринимаются избирательно, отбрасывается «плохое» и доводится до крайности «хорошее». Так, новые предприниматели предпочитают работать с серыми схемами, отсутствие рыночных навыков компенсируется большой ресурсоемкостью серых схем. Любое регулирование может трактоваться как угроза самостоя-

тельности, любое разрешение как ловушка власти. Происходит прямой перенос социальных ресурсов из возможностного в интеракционное измерение. Больше ценятся информация, социальные связи, социальный капитал, чем официальные статусы и льготы. Доминирует объединение по признаку негативной идентичности: позитивная идентичность принадлежит к ингрупповому выбору и распространяется на социально самостоятельных индивидов. Р. Дарендорф призывает не переоценивать солидарность недовольных и бедных: эффект концентрации бедности выражается в иммобилизации личности [8, с. 202]. Для бедных, пишет Дарендорф, социальный ресурс представляется результатом личных усилий выбраться из цикла социального аутсайдерства, чувство социального одиночества им присуще больше, чем представителям адаптированных слоев.

Теория «динамического поля» указывает на приоритетность интеграции: различия определяются включением, исключением, пролонгированием или социальным дистанцированием. Р. Дарендорф убедительно иллюстрирует социальное дистанцирование преуспевающих слоев, способных сокрушаться по поводу бедности, но голосующих за партии социального неравенства. Ресурсообеспеченные слои ориентируются на представления, что бедным легче переносить традиционные тяготы, чем богатым познать новые трудности. Р. Дарендорф саркастически подмечает, что образованные элиты (продукт политической модернизации), стоящие вне всякой традиции, апеллируют к старым ценностям и заняты в первую очередь тем, чтобы направить поток новообретенного богатства в немногие избранные ареалы [8, с. 122]. Традиция используется как средство легитимации ресурсного неравенства, что мы наблюдаем в России по поводу официального православия.

В теории П. Штомпки ресурсообеспеченность и ресурсозависимость взаимодействуют и образуют переменное состояние. Уход от структурных и институциональных целей освобождает от предписанных социальных ролей. Когда в России звучат призывы к крупной элите поделиться, усиливается ощущение идиотизма подобных петиций, так как индивидуальное присвоение социальных ресурсов связано с возможностями социальной гегемонии и использованием ресурсов как инструментов принуждения. М. Кивинен подчеркивает, что социальное ингрупповое взаимодействие в российском обществе не достигло состояния нулевой суммы, общности интересов. Нам кажется, что большинство участников перемен озабочены социальным успехом и исключают возможность поражения. Всякие подвижки, которые можно трактовать как проигрышные, способствуют позиции отказа от изменений, т.е. изменения допускаются в пределах достижения собственного успеха и блокируются при возможности социальной конкуренции.

Теория динамического поля фиксирует такую особенность интеракционного измерения, как предпочтение ролевым предписаниям и ожиданиям, ситуативной логике. П. Штомпка осознает, что изменения не имеют не только простой, линейной направленности, но и исключительной цели [2, с. 236]. Ссылка на культурный и исторический контексты все-таки не обладает объяснительной силой теории. Если мы будем к каждой причине изменений привязывать ситуативную оценку, дурная бесконечность сделает проблематичным анализ социального развития.

Чтобы избежать ловушки рациональности, теория «динамического поля» вносит неопределенности такого же рода, как критикуемые метафоры роста. Можно согласиться, что изменения не всегда носят кумулятивный характер, проходят одинаковые стадии, но отсюда не следует, что миллион случайностей оказывает большее влияние, чем идеальное и нормативное измерения. Социологический пробабелизм предполагает, что изменение – результат наших попыток решить проблемы, что связано с готовностью взять ответственность за выбор способов решения проблемы. Правда, группе могут быть навязаны воображаемые или чужие проблемы, т.е. социальные ресурсы уходят в «никуда» или способствуют усилению отношений доминирования. Подобным образом рассуждает Р. Будон, для которого теории, описывающие процесс изменения в целом, скорее, обосновывают декларируемые различия, чем исследуют причинно-следственные закономерности. Большими ресурсами обладает группа со способностями проектирования и сплоченностью других слоев вокруг реализации социального проекта.

Действительно, для Штомпки вопрос заключается в том, чтобы разобраться, как можно объяснить индивидуальные действия, не ущемляя коллективный рациональный выбор. Субъектность акторов может подвергаться наблюдению, если объяснить ресурсные характеристики, а не поведение, социальные факты или объективные закономерности – тенденции. Согласно позиции П. Штомпки ресурсы возникают в процессе социальной интеракции, диффузии или поддержания образцов развития. Событийность, различные состояния динамического поля делает значимыми взаимное согласие по поводу изменений, определения пределов спонтанности и регулируемости. Как бы не ставилась проблема равенства возможностей, Штомпка отмечает ресурсное неравенство как условие свободы (пересмотра соглашений). А. Пшеворский утверждает, что от акторов трансформационного процесса зависит, насколько могут быть растянуты

во времени изменения и насколько результаты преобразований могут отклоняться от провозглашенных целей. П. Штомпка отмечает, что существует соглашение по поводу того, какие изменения считать решающими и какие проблемы считаются решающими.

Важно, что динамическое поле подвержено инверсиям, возврату в исходное состояние, содержит несогласие с положением необратимости изменений. Если пользоваться классификацией Р. Будона (причинно-следственные законы, структурные законы, формы изменения, причины изменения), П. Штомпку волнуют формы изменения, так как изменения неопределены, не допускают структурированности и вносят дифференциацию в закрытую систему. Ясно, что так называемые формы изменений открывают простор вариативности, многообразию стратегий развития, чего не скажешь об монокаузальности других теорий.

Разумеется, правомерность такого подхода подтверждается демонстрацией фактов из деятельности сетевых структур. Только полезно помнить, что сетевые структуры зависят от технологии, определяются компьютерными коммуникациями (М. Кастельс). В сетевых структурах есть возможность интеракции, но есть и риск латентной зависимости, эфффектов габитуса по П. Бурдьё.

Нормативные измерения, социальные инструкции (П. Штомпка) определяют социальные действия, а сети исходят из предписанных возможностей. Штомпка умалчивает о проблеме доступа к ресурсам, так как не всякая возможность связана с социальной самореализацией, самоопределением, поэтому ресурсы рассчитываются не по шкале социальных ожиданий, а по шкале социальных позиций.

Социальные ресурсы являются пучками возможностей, что соответствует пучку социальных отношений [1, с. 108]. Объективация социальных отношений неизбежно продуцирует ресурсозависимость, так как связана с воспроизводством устойчивых социальных практик, конструированием собственной сферы социальной компетентности (П. Бурдьё). Если индивид увиливает от актуально существующей системы социальных позиций и не занят перегруппировкой возможностей, он впадает в состояние аннигиляции. Возможно, идеи П. Бурдьё об «инвестиционности» социальных агентов ближе теории динамического поля, чем нам представляется. Наверное, для Штомпки предпочтительнее исходить из допущения возможностей до определения социальной иерархии, ресурсной зависимости. Сети власти, какими бы они ни казались для взаимодействия незначительными, обязывают к признанию господства. Лица свободных профессий более мобильны, так как обладают большей самостоятельностью и не привязаны к конкретному социальному пространству. Однако, отмечает П. Штомпка, велик соблазн изменения ради изменения, что связано с неустойчивостью социальных ресурсов, неуверенностью в личном будущем. Индивидуализация ресурсов усиливает ориентацию на престиж и образование в качестве условий ресурсообеспеченности, но только деньги (Т. Парсонс) как наиболее обезличенная форма ресурсообмена создает модель успеха. Теория динамического поля ориентирована на возможностный характер социальных ресурсов, это избавляет от необходимости анализа структурных неравенств, прежде всего социально имущественных. Вопрос для Штомпки состоит не в том, чтобы предложить очередной перфекционистский проект, выявление возможностей социального развития представляется важным в логике допущения трансформации.

Модель поля есть попытка преодолеть апорию Зенона: поле можно описать как многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значение которых коррелирует с различными переменными [9]. Изменения связаны с диапазоном возможностей, которые побуждают к осуществлению перемен. Текучесть, изменчивость наступают после соотнесения социальных позиций, когда обнаруживается потребность в новых социальных интеракциях, социальных интерпретациях. Теория П. Штомпки синтетична по цели; действительно, нельзя свести изменения к одной – единой модели, можно выявить форму изменений, основанную на хабитусе изменений ресурсности. Субъекты (агенты) действия реализуют ресурсность в переопределении возможностей, а сами возможности становятся объективированным ресурсом. Линейные процессы, строго заданные изменения определяются траекторией закрепленности ресурсов. Трансформационные процессы, что стремится описать П. Штомпка в теории динамического поля, спонтанны, зависят от мобилизации или иммобилизации масс. Ресурсный предел проявляется в констелляции событий, провоцирующем фоне и тех усилиях, которые прилагают агенты действия для переопределения возможностей. П. Штомпка согласен с «текучестью» общества, чтобы легитимировать взаимодействие структурных и деятельностных аспектов. Понимая ограниченность структурирования, обоснованность упреков в пластичности институтов и растворении структур в иррациональных практиках, исследователь обозначает социальные ресурсы процессуально, придерживается непрерывности изменений. Модернизация показала неэффективность хищнического потребления социальных ресурсов в реализации индустриального об-



разца. Трансформация, ненаправленное развитие допускают хаос, содержат элемент неожиданности (В.А. Ядов) и делают ресурсную базу устаревшей. Однако экспансия социальных рисков означает повышение значения социальной компетенции как способности формулировать и решать проблемы. Не случайно В.А. Ядов вводит дополнительное требование «предупреждать и сдерживать» нежелательные последствия политических, экономических, экологических сдвигов, что вызывает сомнение в обоснованности спонтанности и чисто технического решении социальных проблем. Согласимся, что изменения могут вызываться микроэффектами, а социальное планирование становится самопарализующимся предсказанием. Вместе с тем, высокая ресурсозатратность в условиях спонтанных изменений делает привлекательной позицию пассивной адаптации, что обесмысливает разговор о саморазвитии. Ясно, что социальные ресурсы связаны с возможным измерением, и вопрос о том, влияют ли на изменение эндогенные или экзогенные факторы, содержит лукавство, недоговоренность по поводу того, как осуществляются изменения.

Структурный подход определяет социальные ресурсы через воспроизводство социальных диспозиций, отношение господства и зависимости, что более адекватно теории социального конфликта Р. Дарендорфа, на фоне которой положения социальной дифференциации Т. Парсонса выглядят не очень убедительно.

Деятельностный подход (морфогенезис М. Арчер, конфигурация Э. Гидденса) признает активизм субъекта ценой смягчения, пластичности структур. Ресурсы, таким образом, дополняются спонтанностью, инициативностью актора действия (Д. Мак-Клелланд). Вывод о субъектности социальных ресурсов адекватен признанию направленности, открытости, имманентности социальных изменений. Как показывает Р. Будон, формулирование причинно-следственных связей вносит элемент неизбежности, которая предписывает эмпирическим наблюдениям обязательный характер. Теория динамического поля апеллирует к теории общества, как пучку отношений, недетерминированности изменений, как результата различных намеренных и ненамеренных действий. Так называемая открытая ситуация позволяет рассматривать ресурсы как возможности, которые усиливаются или ослабевают с изменением пространства социального выбора (М. Крозье).

Структурный подход привязывает социальные ресурсы к структурности, функциональности, неравенству и власти, определенным образом устанавливает границу между изменениями социальной системы и внутри системы. Ресурсное неравенство является причиной внутренних изменений, трансформации наступают в результате избытка или дефицита социальных ресурсов. Объективация социальных ресурсов влечет комплиментарность деятельностного аспекта как условия управляемости, контролируемости, рационализации социальных изменений. В теории динамического поля ресурсы не обременены бинарностью или комплиментарностью, так как ресурсный обмен является обменом претензий на изменение, идеалы и нормы становятся ресурсами. Социально-трансформационные процессы в российском обществе имеют последствием дисперсию социальных ресурсов, характеризуются безальтернативностью и дифференциацией возможностей, что уже составляет самостоятельную исследовательскую задачу.

#### Ссылки:

1. Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-пресс, 2001.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002. С. 428.
4. Локосов В.В. Трансформация российского общества (социологические аспекты). М., 2002. С. 143.
5. Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 494.
6. Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2001. С. 195.
7. Пшеворский А. Демократия и рынок. М., 1999.
8. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. М., 2002.
9. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 58.

#### References (transliterated):

1. Rossiya: transformiruyushcheyesya obshchestvo. M.: Kanon-press, 2001.
2. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy. M.: Aspekt Press, 1996.
3. Zaslavskaya T.I. Sotsiyetal'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva. M., 2002. S. 428.
4. Lokosov V.V. Transformatsiya rossiyskogo obshchestva (sotsiologicheskiye aspekty). M., 2002. S. 143.
5. Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. M., 1999. S. 494.
6. Kivinen M. Progress i kaos. Sotsiologicheskiy analiz proshlogo i budushchego Rossii. SPb., 2001. S. 195.
7. Pshevorskiy A. Demokratiya i rynok. M., 1999.
8. Darendorf R. Sovremennyy sotsial'nyy konflikt. M., 2002.
9. Burd'ye P. Nachala. M.: Socio-Logos, 1994. S. 58.